
Л. В. СОКОЛОВА

**Смысловая функция переключек рассказов
об Олеге Святославиче и Всеславе Полоцком
в «Слове о полку Игореве»**

Подлинно художественный текст всегда характеризуется многомерностью смыслов и наличием имплицитной, непрямой информации. Содержание такого текста требует от исследователей внимательного прочтения и интерпретации, которая «состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении».¹

В настоящей статье делается попытка выявить в «Слове о полку Игореве» именно такие имплицитные смыслы, выраженные автором не прямо, а в намеках, в приведенной как бы между прочим, в скобках информации, в переключках отдельных эпизодов текста, заставляющих задуматься о смысловой функции этих переключек, их художественной роли в произведении.

В рассказах автора «Слова о полку Игореве» об Олеге Святославиче и Всеславе Полоцком имеется целый ряд общих образов и мотивов, некоторые из них уже отмечались исследователями. Д. С. Лихачев подчеркнул, что уобицы Олега Святославича, как и уобицы Всеслава Полоцкого, автор «Слова» противопоставляет мирному, созидательному труду земледельцев и ремесленников. В рассказе об Олеге автор пишет: «Оле҃г мечемь крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше», тогда, при Олеге Гориславиче «сѣяшеться и растяшеть уобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука», «тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупия себѣ дѣляче...». Сходные образы он использует и в рассказе о Всеславе Полоцком: «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ гелы харалужными, на тоцѣ животь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ».²

¹ Рикѣр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М, 1995. С. 18.

² Лихачев Д. С. 1) «Слово о полку Игореве»: (Историко-литературный очерк) // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 256, 258 (Сер. «Литературные памятники»); 2) Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и статей под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 25–26.

Т. М. Николаева указала еще четыре переключки рассматриваемых эпизодов. Она пишет: «Линия прошлое—прошлое связывает в основном через повторы два сюжета: историю Олега Святославича и историю Всеслава Брячиславича Полоцкого. <...> Текстовые повторы в них активны. *Были вѣчи Трояни* — первая и *На седьмомъ вѣцѣ Трояни* — вторая. <...> Обе истории переключаются и упоминанием Ярослава Мудрого: *Минула лѣта Ярославля* (история Олега) — *разшибе славу Ярославу* (история Всеслава). Повторы связывают их и далее. Это почти мистический перезвон городов: *Ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тьмутороканѣ, той же звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаша въ Черниговѣ* (рассказ об Олеге) — *Тому въ Полотъскѣ позвониша заутреннюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша* (рассказ о Всеславе). Повторяются в обеих историях упоминания *двух святых Софий*: в Киеве — история Олега и в Полоцке — история Всеслава».³

Что означают переключки двух фрагментов? Призваны ли они подчеркнуть сходство Олега Святославича и Всеслава Полоцкого? И если да, то с какой целью? На эти вопросы исследователи отвечают по-разному.

Д. С. Лихачев отметил, что в Олеге «Гориславиче» и во Всеславе Полоцком автором «Слова» обобщены два крупнейших исторических явления: усобицы Ольговичей и Мономаховичей и усобицы Всеславичей и Ярославичей. При этом если Олег «безоговорочно осужден»,⁴ то Всеслав «изображен в “Слове” и с осуждением, и с теплотой лирического чувства: неприкаянный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, “вещий”, но несчастный неудачник!.. Перед нами исключительно яркий образ князя-вотчинника, князя периода феодальной раздробленности Руси».⁵

Б. А. Рыбаков считал, что оценка князей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого в «Слове» *противоположна*: Всеслав обрисован автором «Слова» положительно, а Олег, приводивший половцев на Русь, «бесповоротно осужден».⁶ По мнению историка, автор «Слова» «специально углубился в историю прошлого столетия, чтобы доказать, что дед этих князей [Игоря Святославича, Святослава Всеволодовича и др.], давший им имя “Ольговичей”, был главным злодеем Руси и первым в самых черных делах». При этом Б. А. Рыбаков усматривает в «Слове» «восторженное отношение к Всеславу Полоцкому и Владимиру Мономаху».⁷

³ Николаева Т. М. Функционально-смысловая структура антитез и повторов в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Комплексные исследования. М., 1988. С. 111–112.

⁴ Этот вывод Д. С. Лихачев сделал на основании того, что «характеристика князя-крамольника Олега “Гориславича” дана по преимуществу в освещении последствия его усобиц для всего русского народа. <...> Его “усобицы” рассматриваются как целая эпоха в жизни русского народа: “Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъцы Олговы, Ольга Святъславлича”. <...> Именно он, Олег, положил нагало сложному узлу усобиц, связанных с вотчинным правом древней Руси» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». С. 256). Курсив мой.

⁵ Там же. С. 258.

⁶ Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 482. Курсив мой.

⁷ Там же. С. 484.

По мнению же В. В. Кускова, «трагические судьбы Олега Святославича и Всеслава Брячиславича поражают своим сходством. Много невзгод и бед довелось претерпеть этим князьям за свою жизнь».⁸

Т. М. Николаева, указав повторы-переклички исторических эпизодов, заключает, что, судя только по этим текстам, «беспокойный Олег Святославич» не похож на Всеслава Полоцкого. По ее мнению, «они объединяются по законам поэтики через третий член сравнения — *tertium comparationis* <...> Третьим членом сравнения являются Игорь и история его похода».⁹ По мысли Т. М. Николаевой, «Олег и Всеслав становятся двумя прототипами Игоря — до плена и после плена»: ¹⁰ до плена Игорь сравнивается с Олегом, а выйдя «из другого мира» (плена-смерти) — с Всеславом. Сходство Игоря, бегущего из плена, с Всеславом, по словам Т. М. Николаевой, показывают повторы-скрепы: слова «полночь», «мгла», «скочить волком», читающиеся как в сцене бегства Всеслава от киевлян под Белгородом, так и в сцене бегства Игоря из плена. Усмотрев в этом тему оборотничества Игоря, сближающую его в сцене бегства с «оборотнем» Всеславом (при том, что «Олег лишен колдовского начала»), исследовательница продолжает: «...не останавливаясь на данной теме, хочется подчеркнуть мастерство автора в создании этих сверхтекстовых аллюзий».¹¹ По ее мнению, «так создаются “сверхсмыслы”».¹² В «Слове», — пишет далее Т. М. Николаева, — «не один смысловой пласт перекличек повторов и антитез. Игорь спасен (и Всеслав спасается, и Олег становится черниговским князем), но он гибнет как индивидуальность (? — Л. С.). Поэтому возникает ассоциация с третьим князем — Ростиславом».¹³

Из сказанного Т. М. Николаевой неясно, с какой целью использует автор отмеченные переклички рассказов об Олеге и Всеславе. Если задача автора сопоставить Игоря с Олегом (до плена) и Всеславом (после плена), то тогда он должен был создавать переклички не между фрагментами об Олеге и Всеславе, а между фрагментами об Игоре и Олеге, с одной стороны, и между фрагментами об Игоре и Всеславе, с другой стороны.

* * *

Переклички мотивов и образов в рассказах об Олеге Святославиче и Всеславе Полоцком, безусловно, несут в «Слове» важную смысловую функцию. На мой взгляд, автор — вдумчивый историк и опытный политик — завуалированно выражает через них одну из важнейших идей своего произведения. Поэтому на переклички рассказов об Олеге и Всеславе следует обратить особое внимание. Рассмотрим их более пристально.

I. Оба экскурса в XI в. начинаются с упоминания «Трояна». Во фрагменте об Олеге вспоминаются «вѣчи Трояни» («Были вѣчи Трояни, минула

⁸ Кусков В. В. Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Комплексные исследования. С. 70. Курсив мой.

⁹ Николаева Т. М. Функционально-смысловая структура антитез и повторов в «Слове о полку Игореве». С. 112. Курсив мой.

¹⁰ Там же. С. 113.

¹¹ Там же. С. 112.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 113.

лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя»), а во фрагменте о Всеславе Полоцком говорится о действиях этого князя «на седьмомъ вѣцѣ Трояни»: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребии о дѣвицю себѣ любу». По поводу того, кто такой «Троян» в «Слове», существует множество точек зрения, обзор которых дан в моей статье на эту тему.¹⁴

Из чего следует исходить, интерпретируя имя Троян? Во фразе «Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя» автор дает поэтическую периодизацию истории Киевской Руси. При этом «лѣта Ярославля» символизируют время расцвета Киевской Руси, а войны Олега — время междоусобиц, приведших к распаду единого древнерусского государства, к началу нового периода — феодальной раздробленности. Не логично ли допустить, что «вѣчи Трояни» — это начальные времена Киевской Руси? Поскольку и время расцвета единой Киевской Руси, и время ее распада на самостоятельные «земли» связываются с именами князей, можно думать, что и притяжательное прилагательное «Трояни» в сходной конструкции образовано от имени князя, представляющего *нагальный период* Киевской Руси.

Кто же такой Троян? По мнению Н. И. Костомарова и В. Шевчука, Трояном автор «Слова» называет трех братьев: Кия, Щека и Хорива, построивших Киев. К их мнению присоединилась и я в статье о Трояне.¹⁵ Следует, однако, уточнить эту точку зрения.

«Повесть временных лет», которую автор «Слова» использует как исторический источник, сообщает, что и до «братьи сей» (Кия, Щека и Хорива) были поляне на Киевских горах, и жил каждый род на своих местах, владея каждый родом своим.¹⁶ Следовательно, не строители Киева явились, согласно летописи, основателями земли полян на Днепровских горах. Как выяснили археологи, древнейшим городским ядром, от которого произошло

¹⁴ Соколова Л. В. Троян в «Слове о полку Игореве»: (Обзор существующих точек зрения) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 325–362.

¹⁵ Там же. С. 335, 339–340, 356–360.

¹⁶ Д. С. Лихачев, комментируя «Повесть временных лет», заметил со ссылкой на Б. Д. Грекова, что родовой строй у восточных славян мог быть наблюдаем во времена летописца только в качестве пережиточных остатков, и предположил, что слово «род» в данном случае означает княжескую династию (Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 389). В период расселения VI–VIII вв. у славян происходил слом старой, племенной структуры общества. В результате сформировались новые общности, носившие уже территориально-политический характер. Какой же была социальная структура новых славянских образований? А. А. Горский по этому поводу пишет: «Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия, ее принято обозначать английским термином *chiefdom* (от *chief* — вождь), переводимым на русский язык как “вождество”. Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем существуют старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя. Славянские догосударственные общности VII–IX веков соответствуют признакам именно “вождеств”, а не “племен”: в них фиксируется наследственная власть вождей — князей» (Горский А. А. Средневековая Русь: О чем говорят источники. М., 2016. С. 13).

заселение окружающих возвышенностей, была Замковая гора,¹⁷ и только позднее возникли поселения на двух других Днепровских горах — Старокиевской (где братьями был построен Киев¹⁸) и Щековице.¹⁹ В таком случае мы можем предположить, что начальный этап Киевской земли полян автор «Слова» связывает с тем князем, который привел славян с Дуная в Среднее Приднепровье, «через поля на горы».²⁰ Поскольку имя его неизвестно, он и назван автором «Слова» Трояном.

Как представляется, символическое имя «Троян» дано автором «Слова» первому князю полян, основателю их земли на Днепре, по аналогии с языческим божеством славян — Трояном,²¹ которого, по нашему мнению, можно типологически соотнести с греческим богом времени Кроносом (ср. римского Сатурна) — «старым богом», отцом олимпийских богов,

¹⁷ Замковая гора — изолированный со всех сторон естественный останец высотой около 70 м над уровнем Днепра. «Благодаря исключительно выгодному топографическому положению она представляла собой естественную крепость, являлась неприступной даже без искусственных укреплений» (*Тологко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 29). О древнейшем поселении на Замковой горе свидетельствуют археологические находки конца V — начала VI в. (см.: Там же. С. 28).

¹⁸ Археологические исследования позволили определить начальный период существования Киева в виде славянского поселения в северо-западной части Старокиевской горы, со рвом и валом. Здесь находился административный, культовый и военный центр полян догосударственной поры.

¹⁹ Большинство исследователей считают, что три древнейших поселения находились на трех расположенных близко одна от другой горах: Старокиевской (Кия), Замковой (Хорива) и Щековице (Щека). По мнению же В. Б. Антоновича, М. К. Каргера и П. П. Тологко, летописная Хоривица (или Хоревница) — это Лысая гора (Юрковица) (*Тологко П. П.* Древний Киев. С. 46). Вопрос о Хоривице пока не решен, однако слой раннеславянских поселений (VI—VIII вв.) археологи нашли именно на горах Замковой (она же Киселевка, Флоровская гора), Старокиевской и Щековице; на Лысой же горе, расположенной в наибольшем отдалении от Днепра, пока обнаружено только городище более позднего времени, IX—X в. (Там же. С. 47). Существует мнение, что это была крепость, упомянутая Константином Багрянородным под именем Самват. Укрепление на Лысой горе играло важную роль, оно позволяло контролировать важнейшие речные и сухопутные коммуникации Киева (*Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978. С. 13—14).

²⁰ Автор «Слова», характеризуя творческую манеру Бояна, говорит, что он воспевал князей, «...летая умомъ подь облакы, <...> рища въ тропу Трояню чресь поля на горы», т. е. обращаясь к истокам Русской земли, к приходу Трояна на Днепровские «горы».

²¹ В том, что автор «Слова» назвал неизвестного полянского князя именем языческого бога, нет ничего необычного. В древнерусских письменных источниках XIV—XV вв. многократно встречается мужское имя Дажьбог и отчество от него — Дажьбогович. См.: *Виноградова В. Л.* О некоторых словах и выражениях в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 149—150. В. Л. Виноградова ссылается на словарь украинского языка (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. У 2 т. Київ, 1977—1978), в картотеке которого зарегистрировано 103 случая упоминания имени Даж(ь)богъ. Отчество Дажьбогович отмечено 3 раза. Известно было у южных и восточных славян и имя собственное Троян (в том числе в южнославянских сказаниях), существующее и в качестве фамилии.

Топография древнего Киева²²

Условные обозначения: 1 — слой раннеславянских поселений, 2 — городище на Лысой Горе, 3 — город Владимира и Ярослава, 4 — монументальные курганы

с которым отождествлялись «*первые времена*», «золотой век».²³ Исходя из этого, можно думать, что современники автора «Слова», знавшие славянскую мифологию, понимали символическое значение имени «Троян».

²² За основу взята схема, приведенная в кн.: Лебедев Г., Жвиташвили Ю. Дракон Нево: на Пути из Варяг в Греки. Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. 2-е изд. СПб., 2000. С. 156.

²³ Время, когда Кронос (ср. римск. Сатурн) был «владыкою неба», — золотой век мифологической истории. Люди в те времена жили как боги, «со спокойной и ясной душою, горя не зная, не зная трудов», по словам Гесиода. Воспоминанию о «золотом веке» как веке изобилия, всеобщей свободы и равенства были посвящены ежегодные греческие празднества, приуроченные к смене года, — кронии (ср. римск. сатурналии), воспроизводившие жизнь времен Кроноса (Сатурна). Во время праздника господа и слуги менялись обязанностями, воцарялось безудержное веселье карнавального типа, избирался шуточный царь сатурналий. Крониям/сатурналиям типологически соответствует европейский средневековый карнавал, который создавал особое «смеховое» мировосприятие, переворачивал социальную иерархию, восстанавливал мифический золотой век всеобщего равенства. В восточнославянской мифологии карнавалу соответствует масленица с ее изобилием угощений, весельем, ряжением. См.: Сатурн // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991. Т. 2. С. 417; Карнавал // Там же. Т. 1. С. 624—625; Масленица // Там же. Т. 2. С. 122. Описание праздника масленицы на Руси представляется как проводы зимы и встреча весны. Но до конца XV в. Новый год на Руси встречали 1 марта. Поэтому праздник масленицы означал также проводы старого и встречу нового года.

В таком случае во фрагменте об Олеге Святославиче автор «Слова» связывает «вѣчи Трояни» с временами основания Трояном древней Полян-ской земли, а «полки Олега» — с «последним временем» Киевской Руси как единого государства. Из этого следует, что автор «Слова» вслед за летописцем считает Олега одним из виновников междоусобиц, ставших причиной раздробленности прежде единого древнерусского государства, распада его на отдельные, самостоятельные княжества.²⁴

Тот же поэтический смысл — сопоставление начала и конца единого древнерусского государства — вложен автором «Слова» и во фразу о Все-славе Полоцком, тоже начинающую собой экскурс в XI в.: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребии о дѣвицу себѣ любу».

У слова «век» не было в древности значения «столетие».²⁵ Выражение «седьмой век Трояни» содержит отсылку к библейскому понятию «семь веков» — семь тысяч лет существования мира — и символически означает «последний век», т. е. «последние времена существования чего-либо». Речь здесь идет, безусловно, о «последних временах» Киевской Руси как единого государства. В другом месте «Слова» Киевская Русь прямо названа «землей Трояней», на которую вступила Дева Обида (олицетворение межкняжеских обид, раздора, междоусобиц XI—XII вв.). «Земля Трояня» — это земля основавшего ее Трояна, древняя Полянская земля, к XI в. ставшая обширным древнерусским государством Киевская Русь.²⁶

Однако в «Слове» говорится не о седьмом веке «земли Трояни», а о седьмом веке «Трояни». Слово «Трояни» в данном случае не может рассматри-

²⁴ Распад Киевской Руси на самостоятельные земли не привел к распаду исторически сложившейся языковой, экономической, религиозной и культурной общности. Во всех землях сохранились правовые нормы «Русской Правды». Сохранились княжеские съезды, где обсуждались вопросы общерусской политики. Князья были связаны системой вассальных отношений. Великий князь был первым (старшим) среди равных князей. По словам М. Б. Свердлова, «...в разных землях и отчинах Русского государства князья оставались в пределах единого политического, культурного, идеологического и церковного пространства — “Русской земли” в широком значении этого понятия» (Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI—первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 524).

²⁵ Слово «век» до XVIII в. означало: определенный период времени, эпоха; тысячелетие; срок, промежуток времени; период существования кого-либо, чего-либо, жизнь; вечность (Словарь русского языка XI—XVII в. М., 1975. Т. 2. С. 53).

²⁶ «Между древней Полянкой землей и Киевской “областью” XI—XII вв. эпохи Киевского государства хронологически стоит южнорусское государство с центром в Киеве, значительно отличавшееся от той и другой. Это южнорусское государство — “Русская земля”, следы которого обнаруживаются в Древнейшем летописном своде, а раньше — в договорах Олега и Игоря с греками. Она послужила основой, господствующим ядром всего Киевского государства. В течение X—XI вв. территория древнего южнорусского государства разделилась <...> Но и первое время после этого были попытки в новых условиях сохранить прежнюю роль “Русской земли” как политического ядра всего Киевского государства; а потом в качестве наименования южной Руси “Русская земля” оставалась лишь географическим термином. Тот же термин («Русская земля») принял вместе с тем другое, более широкое значение и иное содержание» (Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 28; переизд.: СПб., 2002).

ваться как притяжательное прилагательное от имени «Троян»: ни одно из предложенных толкований выражения «На седьмомъ вѣцѣ Трояни», исходящих из понимания слова «Трояни» как притяжательного прилагательного, нельзя признать удовлетворительным.²⁷ По всей вероятности, «Трояни» является в данном случае формой родительного падежа от топонима «Троянь»²⁸ (ср.: Волынь, Рязань) — так автор вполне мог назвать *символически* землю, основанную Трояном. Название земли или города по имени основателя — широко известное явление. Тот факт, что в разных фрагментах «Слова» автор употребил форму «Трояни» в разных значениях, не должен смущать, поскольку употребление слова или выражения в разных его значениях — один из приемов, неоднократно использованный в «Слове».

Итак, «вѣчи Трояни» во фрагменте об Олеге — это времена Трояна, начальные времена Русской земли, а седьмой век «Трояни» во фрагменте о Всеславе — это последние времена Киевской Руси как единого государства. Таким образом, автор «Слова» дает понять, что оба князя — Всеслав и Олег — своими действиями приближали распад Киевской Руси на отдельные княжества. В 1065 г. «почал рать» Всеслав. Через 13 лет, в 1078 г., междоусобные «рати» начал Олег Святославич. В результате междоусобных войн в 1097 г. на Любечском съезде был заключен княжеский договор, по которому отчинное наследное право получало *de iure* преимущество перед принципом братского совладения: «каждый да держит отчину свою».²⁹ После 1132 г. — года смерти сильного киевского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха, — начался период усобиц и процесс обособления княжеств пошел полным ходом. К 1135 г. летопись приурочивает распад Киевской Руси на самостоятельные, враждующие княжества. «И раздрася вся Русская земля...», — констатирует с болью летописец.

II. В обоих исторических эпизодах упоминаются кровавые междоусобные битвы, опустошавшие Русскую землю; битвы и Олега, и Всеслава

²⁷ XI век, с которым связаны действия Всеслава, не может быть назван «последним временем Трояновым» или «последним временем правления Троянова» (т. е. князя V в., основавшего древнюю Полянскую землю). Нельзя понимать выражение «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» и в значении «в последние времена *после* Трояна», это толкование абсурдно.

²⁸ Б. И. Яценко полагал, что не только в этом случае, но во всех четырех случаях в «Слове» имеется в виду не Троян, а «Троянь» — «могучая держава» V в., «тройственный союз полян, древлян и руси» (Яценко Б. И. Про Троянь // Архіви України. 1970. № 6. С. 34–43). Критический анализ этой точки зрения см.: Соколова Л. В. Троян в «Слове о полку Игореве». С. 340–341.

²⁹ А. В. Назаренко подчеркивает, что Любечский договор 1097 г. отнюдь не учредил отчины на Руси, а напротив — опирался на родовое понятие отчины, существовавшее изначально в династическом строе Рюриковичей наряду с принципом братского совладения (*corpus fratrum*). «Не Любечский договор создал древнерусскую отчину и, тем более, не прецедентное право в связи с отвоеванием Олегом отчинного Чернигова в 1094 г. (после чего термин «отчина» настойчиво зазвучал на страницах летописи), а древнее родовое отчинное право, легшее в основу любечских решений, сделало эти последние понятными и удовлетворительными для всех» (Назаренко А. В. Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). М., 2009. С. 48, 58, 61–62 (Древнейшие государства Восточной Европы. 2007).

в сложной игре метафор сопоставляются с мирным трудом земледельца (пахотой, посевом, молотью) и противопоставляются ему: Олег кует *мегом крамолы*, сеет по земле *стрелы*. В битве Всеслава с Ярославичами на Немиге снопы стелют *головами*, на току кладут *«живот»*, веют *душу от тела*. Это дало основание исследователям думать, что именно Олега и Всеслава обвиняет автор «Слова» в междоусобицах XI в., именно их он считает родоначальниками междоусобиц.

Оба князя — и Всеслав, и Олег — «отворяют врата» русских городов: Всеслав — Новгорода, Олег — Чернигова, т. е. выступают победителями. Но оба затем терпят поражения: Всеслав — на Немиге под Минском, Олег — на Нежатиной Ниве под Черниговом. Малая победа оборачивается большими бедами. После победы как Всеслава, так и Олега следует их поражение; достигнутые успехи не удалось закрепить ни одному, ни другому. Гибель русских людей в междоусобных бранях была напрасной, бессмысленной.

III. В обоих рассказах упоминаются языческие боги солнца: во фрагменте об Олеге — Дажьбог, во фрагменте о Всеславе — Хорс. Всеслав пересекает путь богу солнца Хорсу, двигаясь («рыща») по ночам с севера на юг, из Киева в Тмуторокань. Во фрагменте об Олеге говорится, что при нем «погибашеть жизнь Дажьбожа внука (т. е. достояние княжеского рода, Русская земля. — Л. С.),³⁰ въ княжихъ крамолахъ вѣци челоувѣкомъ скратишась». Тем самым подчеркивается, что Всеслав и Олег — «изгой» в княжеском роде, среди внуков солнечного Дажьбога.

IV. В обоих рассказах упоминается князь Ярослав Владимирович. Говоря о выступлении Олега из Тмуторокани на Владимира Мономаха, сидевшего в Чернигове, автор как бы в скобках отмечает: «Тои же (здесь: «такой же». — Л. С.) звонъ слыша давныи великыи Ярославъ», имея в виду выступление на Ярослава Мудрого из той же Тмуторокани его брата Мстислава.³¹

В рассказе о Всеславе автор «Слова» напоминает о его набеге на Новгород в 1066 г., в результате которого он, согласно Софийской первой летописи, забрал священные реликвии, в том числе «пойма все у Святей Софии — и паникадила, и колоколы»³² (потомки Ярослава более чем через сто лет еще помнили об этом набеге и о том, что Всеслав «взял ерусалим церковный и сосуды служебные...»)³³ Автор «Слова» говорит об этом набеге Всеслава так: «Утръже вазни с три кусы: отвори врата Нову-граду, раз-

³⁰ Аргументы в пользу того, что внуками Дажьбога названы в «Слове» русские князья, княжеский род, см.: Соколова Л. В. Дажьбог (Дажьбог) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 79–82.

³¹ Такое толкование фразы предложил В. А. Кучкин: «"Тои же звонъ" — не тот же самый, а такой же звон. Иносказательно речь идет об угрозе Ярославу Мудрому, исходившей из той же Тмуторокани. Летописи сообщают, что в 1023 г. брат Ярослава Мстислав, княживший в Тмуторокани, пошел с хазарами и подчинявшимися ему после гибели Редеди касогами на Ярослава» (Кучкин В. А. XI век в «Слове о полку Игореве» // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре Древней и Новой России, 27–29 августа 2000 года, Ярославль–Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 30).

³² ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 134–135.

³³ См. Ипатьевскую летопись под 1178 г. (ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 120).

шибе славу Ярославу». И здесь автор «Слова» сказанной как бы между прочим фразой напоминает о том, что межкняжеские войны начались еще при Ярославе. Он имеет в виду, что Всеслав, напав на Новгород, взял реванш за поражение своего отца Брячислава, побежденного Ярославом в 1021 г.³⁴ — этим и «расшиб славу» Ярослава как победителя полоцкого князя.

Как видим, в обоих исторических фрагментах Ярослав упоминается как участник междоусобиц. Тем самым автор «Слова» спорит с летописцем, который обвинял в начале междоусобных ратей Всеслава и Олега. Он напоминает о том, что княжеские усобицы начались еще при Ярославе. Во-первых, против него выступил его брат Мстислав. После ряда столкновений братья пришли к соглашению, разделив Русь на две части: левобережье Днепра с центром в Чернигове отошло к Мстиславу, правобережные земли с Киевом, а также Север Руси с Новгородом остались за Ярославом.³⁵ Во-вторых, именно при Ярославе Брячислав, сын Изяслава Владимировича, умершего, не будучи старшим в роде, заявлял о своем несогласии с положением изгоя. В результате похода на Новгород Брячислав добился расширения своего удела, получив от Ярослава дополнительно Усвятскую и Витебскую волости.

V. В обоих рассказах упоминаются события, связанные с великим киевским князем Изяславом Ярославичем. Во фрагменте об Олеге автор вспоминает битву на Нежатиной Ниве, где были убиты великий князь Киевский Изяслав Ярославич и Борис Вячеславич. Д. С. Лихачев пишет по этому поводу: «Малозначительный князь Борис Вячеславич упомянут не потому, что он “защищал черниговские интересы”, а потому, что гибель его в битве на Нежатиной Ниве, наряду со смертью его противника Изяслава, ярко иллюстрировала его мысль о бессмысленности междоусобных столкновений: обе стороны понесли жертвы в битве на Нежатиной Ниве; об обеих этих жертвах автор “Слова” говорит с одинаковым сожалением, не отдавая предпочтения ни черниговской, ни киевской стороне».³⁶

Следует при этом обратить внимание на то, что автор «Слова» говорит о битве на Нежатиной Ниве как о Божьем суде. Правым по результатам междоусобной битвы обычно считался тот, кто выигрывал битву. Но автор «Слова» в данном случае переосмыслил это представление: «судится не спор между князьями, судится сам князь за все его поступки», и осужденный наказывается смертью.³⁷ Автор «Слова» вслед за летописцем говорит,

³⁴ В 1021 г. Брячислав напал на Новгород и разграбил его. Через неделю Ярослав догнал его на обратном пути и разбил на реке Судомир (ныне Судома), вернув новгородцев, захваченных Брячиславом в плен. См.: ПВЛ. С. 64.

³⁵ В 1036 г. умер не имевший наследников Мстислав, что позволило Ярославу восстановить под своей властью единство Руси.

³⁶ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». С. 257.

³⁷ Д. С. Лихачев пишет: «Битва между феодалами, междоусобная битва часто рассматривалась в XI—XII вв. как суд божий, как суд оружием в феодальных спорах: выигравший битву оказывается и оправданным этим “судом Божиим”». Он приводит многочисленные примеры этого из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей и далее отмечает: «Автор “Слова” пользуется дважды этим типичным для XII в. представлением о битве как о высшем суде, но с характерным отличием: битва для него не суд между

что Борис Вячеславич поплатился жизнью *за похвальбу*: «Бориса же Вячеславлича слава [тщеславие, похвальба, его решимость выступить против более сильных противников] на судъ приведе и на Канину зелену паполому [зеленый берег ручья Канин, ставший погребальной паполемой] постла [уложила] *за обиду Олгову*, храбра и млада князя». ³⁸ Но в той же битве погиб и противник Олега — киевский князь Изяслав Ярославич («Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полелѣя» ³⁹ отца своего между Угорскими иноходьцы ко Святѣи Софии къ Киеву»), следовательно, и он наказан Божьим судом. Но за что? Если смерть Бориса, сражавшегося «за обиду Олгову», рассматривается как возмездие за его похвальбу, то, следовательно, Изяслав погиб за обиду, нанесенную им Олегу, которого он лишил отчего стола — Чернигова.

В рассказе о Всеславе Изяслав Ярославич не назван по имени, но речь идет о ситуации, когда он, нарушив крестоцелование, «клюками» (обманом, коварством) пленил Всеслава и заключил его в Киеве в поруб. ⁴⁰ В «Повести временных лет» освобождение Всеслава объясняется силою креста, наказавшего Изяслава за нарушение крестоцелования: «Всеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я ѝ». ⁴¹ Именно «клюки» Ярославичей, в первую очередь великого князя

спорящими князьями, не суд о том, кто из них прав, а суд над всей деятельностью князя; судится не спор между князьями, судится сам князь за все его поступки». Д. С. Лихачев высказывает также мысль, что в выражении «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя» «нет и намек на то, что суд этот божий. Здесь, как и в других местах “Слова”, элементы христианского объяснения вытравливаются из “Слова” <...> и самое понятие “суда” шире, чем феодальное представление о битве как о суде оружием» (Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 86). Вероятно, это высказывание следует объяснять попыткой Д. С. Лихачева «защитить» «Слова» в связи с антиклерикальными установками того времени. Автор «Слова» использовал здесь, конечно же, представление о битве как Божьем суде.

³⁸ Летом 1078 г. Олег Святославич и Борис Вячеславич с половецкой «помощью» пришли из Тмуторокани на Всеволода к Чернигову. Против них выступили Ярославичи: Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром (Мономахом). Стоялась битва, в которой первым был убит Борис. Говоря о наказании Бориса за тщеславие, автор «Слова» следует за ПВЛ, в которой рассказывается, что Олег, поняв, что силы не равны, обратился к Борису: «Не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четьремъ княземъ, но посливѣ с молбою къ стрьема своима». На что Борис ответил: «Ты готова зри, азъ имъ противень всѣмъ». Началась битва. «Первое убиша Бориса, сына Вячеслава, похвалившася велми» (ПВЛ. С. 86).

³⁹ *Испр.*, в Первом издании и Екатерининской копии — «повелѣя».

⁴⁰ Через год после нападения Всеслава на Новгород против него выступили Ярославичи, они подступили к Минску и взяли город. Всеслав догнал их на обратном пути, и на реке Немизе 3 марта 1067 г. между Ярославичами и Всеславом разыгралась злая сеча. Всеслав был побежден и бежал. В июле того же года Ярославичи позвали Всеслава для переговоров под Смоленск: «Иди к нам, мы не сделаем тебе зла». Он поверил им и пришел. Изяслав, войдя в шатер вместе со Всеславом, приказал схватить его, нарушив свое обещание не причинять ему зла, скрепленное крестоцелованием. Всеслава привезли в Киев и посадили в поруб, откуда его освободили восставшие киевляне, провозгласив киевским князем.

⁴¹ ПВЛ. С. 74.

Киевского Изяслава Ярославича, а не «клюки» Всеслава имел в виду автор «Слова» во фразе: «Тѣи клюками подпрѣся окони [окони — потом, затем, т. е. после нападения на Новгород в 1065 г.] и скочи къ граду Киеву, и дотчєся стружиемъ [т. е. без сражения]⁴² злата стола Киевскаго». ⁴³ Возможно, слово «клюками» (хитростями, коварством) возникло у автора «Слова» как отклик-возражение на некролог Изяслава, в котором летописец утверждает, что Изяслав был «незлюбивъ нравомъ, кривды ненавидя, любя правду. *Клюкъ же в немь не бѣ, ни льсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло*». ⁴⁴ Таким образом, великий киевский князь Изяслав дважды наказан за причиненную «младшим» князьям «обиду»: один раз за обиду, нанесенную Всеславу, в результате чего потерял Киевский стол, а второй раз — за обиду, нанесенную Олегу, за то, что отнял у него отчий Черниговский стол, защищая который и погиб на Нежатиной Ниве. Как клятвопреступник, Изяслав погиб от «своего» же оружия (он был ранен в спину, т. е. своим воином). ⁴⁵

VI. В обоих рассказах упоминается Киев, выступающий в «Слове» символом центра Русской земли, великокняжеского стола. ⁴⁶ Всеслав «скакнул», «подперевшись клюками» Изяслава, к Киеву, в результате чего Изяслав вынужден был покинуть Киев, а во фрагменте об Олеге убитого великого князя Изяслава везут в Киев, к Святой Софии «между Угорскими иноходьцы».

VII. В обоих рассказах упоминается Тмуторокань: Всеслав «дорыскивает» ночью из Киева *до Тмуторокани*, Олег выступает в поход на Чернигов

⁴² Стружие — это металлический наконечник копья. Выражением «дотчєся стружием» автор «Слова» заменил дружинный фразеологизм «взял (город) копьем». С. М. Соловьев указывает, что существовало два способа взятия города: «взять город на щит» (сожжение, разграбление, плен, истребление жителей) и «взять город копьем» (взять город, не входя в него с оружием) (Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. М., 1988. Кн. 2, т. 3. С. 22).

⁴³ Такое толкование слова «клюками» (хитростью, коварством, и не Всеслава, а Ярославичей) предложил еще Е. В. Барсов (*Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1889. Т. 3. С. 336). Эту точку зрения разделяет В. А. Кучкин, он пишет: «Осмысля судьбу Всеслава, автор “Слова” хочет сказать, что основой, опорой превращения полоцкого князя в князя киевского стали те козни против него, что совершили Ярославичи 3 июля 1067 года. Не будь их, Всеслав не смог бы вокняжиться в Киеве» (*Кучкин В. А.* XI век в «Слове о полку Игореве». С. 31). Эта же точка зрения высказана мной в статье: *Соколова Л. В.* Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 29–32. Статья В. А. Кучкина ко времени сдачи моей статьи в печать еще не была опубликована, поэтому его точка зрения не была учтена мной при изложении истории вопроса. О других толкованиях слова «клюка» см.: *Творогов О. В.* Клюка // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 44–45.

⁴⁴ См. в ПВЛ под 1078 г. по Ипатьевской летописи: БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 238.

⁴⁵ В договоре Руси с Византией 944 г. предусматривалось такое наказание за нарушение клятвы: «если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, — *да будет достоин умереть от своего оружия* и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву» (ПВЛ. С. 162). Курсив мой.

⁴⁶ См. об этом: *Лихачев Д. С.* Слово о полку Игореве. С. 264–265.

из Тмуторокани. Символический смысл Тмуторокани в том, что она осмысливается как окраина, периферия Русской земли, как оплот противостояния великому князю Киевскому. Не случайно автор, говоря о выступлении из Тмуторокани Олега Святославича на Владимира Мономаха, сидевшего в Чернигове, вспоминает о выступлении на киевского князя Ярослава из той же Тмуторокани его брата Мстислава. А. Е. Пресняков, отметив, что Олег в 1078 г. бежал от Всеволода в Тмуторокань, откуда и начал борьбу за свою отчину, продолжает: «На Олеге Святославиче повторилась судьба других младших князей, лишенных отчин: Бориса Вячеславича,⁴⁷ Давыда Игоревича,⁴⁸ Ростислава Владимировича.⁴⁹ Этот последний, выдержав борьбу с Святославом, *положил нагало знагению Тмуторокани как убежища младших князей, выбитых из земли Русской*».⁵⁰

VIII. В обоих эпизодах упоминаются храмы Святой Софии: во фрагменте об Олеге Изяслава Ярославича везут к месту захоронения — Киевской Софии, во фрагменте о Всеславе говорится, что ему звонят заутреню в Святой Софии в Полоцке, а он слышит этот звон в Киеве, успевая, благодаря своей сверхъестественной сущности, необыкновенной быстроте передвижения за время заутрени (ночной службы, которая заканчивалась в древности на рассвете) примчаться из Полоцка в Киев (ср. с его ночными «рысканиями» из Киева до Тмуторокани). Вероятно, здесь содержится намек на ночные «рыскания» Всеслава во время его княжения в Киеве: есть основания считать, что во время киевского княжения Всеслава ему принадлежали и два окраинных княжества — Полоцк и Тмуторокань.⁵¹

Северный (точнее, северо-западный) Полоцк выступает в «Слове», подобно южной Тмуторокани, периферией Русской земли, вторым символом противостояния Киеву. Потомки Изяслава Владимировича первыми были «выбиты из земли Русской», ограничены Полоцким уделом. Они стали «изгоями»⁵² по той же причине, что позже и другие князья: Изяслав умер

⁴⁷ В ПВЛ под 1077 г. говорится, что Борис Вячеславич, воспользовавшись отсутствием князя Всеволода Ярославича, вышедшего в поход против своего брата Изяслава, захватил Чернигов, в котором прокняжил 8 дней, после чего бежал в Тмуторокань. Почти год спустя туда же бежал и Олег Святославич.

⁴⁸ «В лето 6589 (1081). Бѣжа Игоревичъ Давыдъ с Володаремъ Ростиславичемъ месяца мая в 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани» (ПВЛ. С. 87).

⁴⁹ В 1064 г. Ростислав Владимирович, внук Ярослава Мудрого, исключенный после смерти отца (1052) из числа претендентов на великое княжение, неудовлетворенный полученным от дядьев Владимиром-Волынским, захватил Тмуторокань, выгнав оттуда своего двоюродного брата Глеба Святославича («В лето 6572 (1064). Бѣжа Ростиславъ къ Тмутороканю, сынъ Володимиръ, внукъ Ярославль <...> И, пришедъ, выгна Глѣба из Тмуторокани, а сам сел на его место»). См. ПВЛ под 1064 г. по Ипатьевской летописи: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. С. 204.

⁵⁰ Пресняков А. [Е.]. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909. С. 50 (Зап. ист.-филол. фак-та Имп. С.-Петербургского ун-та. Ч. 40); переизд.: Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. Курсив мой.

⁵¹ См. об этом: Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве». С. 47—49.

⁵² Изгоем считался князь, отец которого умер раньше деда и потому не успел наследовать отчего стола, а следовательно, и передать его сыну. В глоссе к статье 17 «Устава

раньше отца, Владимира I.⁵³ Более того, по словам А. В. Назаренко, уделы князей-изгоев, даже имевшие наследственный характер, как Полоцкий удел, не были самостоятельными, они обрекались на вечное подчинение Киеву: по положению в династической иерархии Полоцк оставался киевской волостью.⁵⁴ Следствием династически ущербного, подчиненного положения князей-изгоев — полоцких Изяславичей-Всеславичей — было их принципиальное исключение из киевского столонаследия. Династически «подручный» князь на старшем столе — абсолютный нонсенс с точки зрения родового права. Вокняжение Всеслава Брючиславича в Киеве в 1068 г. уникально и объясняется тем, что оно совершилось в результате мятежа.⁵⁵ Между тем Всеслав Полоцкий, внук старшего сына Владимира — Изяслава, был старшим в генеалогическом отношении среди русских князей и имел право претендовать на Киевский стол, не будь социально-правового статуса князя-изгоя.

Полоцкие князья, недовольные своим положением, вели постоянную и тяжелую борьбу с киевскими князьями. Чтобы наглядно продемонстрировать это, приведу в примечании довольно пространную справку о Полоцком княжестве.⁵⁶

князя Всеволода» значение социального термина «изгой» формулируется так: «Три изгоя: попов сын, не знающий грамоты; холоп, из холопства выкупившийся; одолжавший купец; к этому добавим четвертое изгойство: если князь осиротет» (Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Сост. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 156).

⁵³ Некоторые исследователи, основываясь на словах составителя Лаврентьевской летописи, полагают, что Владимир Святославич навсегда ограничил права Изяслава и его потомства Полоцким княжением за покушение Рогнеды на его жизнь; по просьбе матери обнажил меч против отца и малолетний Изяслав, и «оттоле меч взимають Роговоложи внуци противу Ярославим внуком», — заключает автор рассказа о Владимире и Рогнеде в Лаврентьевской летописи под 1128 г. А. В. Назаренко пишет по этому поводу: «Наивное представление, будто династический статус полоцких Изяславичей был определен волевым решением Владимира, <...> совершенно неверно. Дело в другом: Изяслав Владимирович скончался в 1001 г., т. е. еще при жизни отца. Вот почему Брючислав Изяславич <...> не мог претендовать на участие в разделе наследия своего деда наряду с дядьями...» (Назаренко А. В. Династический строй Рюриковичей... С. 65).

⁵⁴ Назаренко А. В. Династический строй Рюриковичей... С. 66.

⁵⁵ Там же. С. 75—76.

⁵⁶ Согласно летописи, Роговолод «пришель из заморья» (имена у него и его дочери действительно скандинавские). Высказывалось предположение, что Роговолод захватил Полоцк после гибели Святослава Игоревича в 972 г. Сев в Новгороде, Владимир Святославич отправил к Роговолоду послов с просьбой отдать дочь Рогнеду ему в жены, но получил отказ Рогнеды в обидной форме. В 980 г. Владимир Святославич разорил Полоцк, убил княжившего там Роговолода, его жену и двух сыновей, насильно взял в жены его дочь Рогнеду и присоединил город к своим владениям. В 987 г. после покушения на его жизнь Рогнеды Владимир отправил Рогнеду с сыном Изяславом на проживание в Полоцкую землю, в построенный им для сына город Изяславль. В 989 г. Изяслав получил в удел Полоцкое княжество, столицей его стал отстроенный Полоцк. Изяслав скончался в 1001 г., оставив двух сыновей, Всеслава и Брючислава. Первый через два года умер, и Полоцкая земля досталась Брючиславу.

С тех пор в течение долгого времени земля эта остается за потомками Изяслава, которые вели продолжительную борьбу с киевскими князьями. Брючислав в 1021 г. напал на Новгород, и на обратном пути, нагруженный награбленной добычей, был настигнут Ярославом Владимировичем на реке Судомир, разбит здесь его войском и бе-

IX. Интересно, что и Тмуторокань, и Полоцк, выступающие в «Слове» символами периферии Русской земли, противостояния Киеву, автор связывает с центром Руси (Киевом и Черниговым) звуками: Всеслав в Киеве слышит звон полоцких колоколов, в Чернигове слышен звон оружия выступающего из Тмуторокани в поход войска Олега: «Ступаетъ въ златъ стремянь въ градѣ Тьмутороканѣ (той же звонѣ слыша давньи великьи Ярославъ) — а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ» (рассказ об Олеге) — «Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано

жал, оставив пленных и добычу победителю. Согласно древнейшему новгородскому летописанию, отразившемуся в СЛ и НІВЛ, после победы Ярослав предложил Брячиславу мир и отдал ему два города в ключевых пунктах пути из Варяг в Греки — Усвят и Витебск — в обмен на лояльность и обещание принимать участие в его походах. Действительно, в дальнейшем Брячислав всегда поддерживал Ярослава в военных походах (Алексеев Л. В. Брячислав Изяславич // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 90). Несмотря на этот мирный договор, военные действия между дядей и племянником не прекращались: последний «вся дни живота своего», как сказано в летописи, продолжал воевать с Ярославом. В 1044 г. полоцким князем стал сын Брячислава — Всеслав. В начале княжения Всеслав жил в согласии с Ярославичами и в 1060 г. участвовал вместе с ними в походе на торков. Но позже он тоже стал вести активную борьбу с Киевом за гегемонию в Северо-Западной Руси. Сначала он напал на Псков (1065), потом на Новгород (1066). В 1067 г. Ярославичи пошли на Всеслава, разбили его, обманом заманили на переговоры, взяли в плен и посадили в поруб в Киеве; несколько месяцев спустя киевляне восстали против своего князя Изяслава Ярославича, высадили Всеслава из поруба и провозгласили своим князем. Через семь месяцев Изяслав вернулся с польским вспомогательным войском, и Всеслав бежал в Полоцк. Изяслав выгнал его из Полоцка и посадил там своего сына Мстислава, а после его смерти — Святополка (1069). Всеслав бежал к води, набрал из них войско и 23 октября 1069 г. появился у Новгорода, но был разбит. В 1071 г. он вернул себе Полоцк. До самой смерти (в 1101 г.) Всеслав вел борьбу с Ярославичами. К 1077—1078 гг. относится упорная борьба Всеслава с Всеволодом Ярославичем. В 1083 г. Владимир Мономах совершил новый опустошительный поход на Полоцк.

Еще при жизни, опасаясь борьбы за земельный передел, Всеслав разделил Полоцкую землю между сыновьями, которые, в свою очередь, поделили Полоцкие уделы между своими детьми. Таким образом единое и мощное княжество раздробилось сначала на шесть, а затем и больше уделов. Полоцк получил старший из сыновей Всеслава, Давыд. Борьбу Всеслава с киевскими князьями продолжил его сын, минский князь Глеб, в конце концов взятый в плен и умерший в Киеве 13 сентября 1119 г. В 1127 г. великий князь киевский Мстислав (сын Владимира Мономаха) послал на Полоцкую землю огромное ополчение, опустошившее ее. Полочане покорились, прогнали своего князя Давида Всеславича, неугодного Мстиславу, и «просили» у последнего в князя Рогволода Всеславича. Скоро, однако, полоцкие князья вышли из повиновения киевскому князю. Тогда Мстислав в 1129 г. захватил непокорных князей и сослал их в Царьград, а в Полоцке посадил своего сына Изяслава. По смерти Мстислава (1132) полоцкие князья возвратились из Царьграда и вновь заняли свои земли, только Минск остался за Изяславом Мстиславичем и освободился от Мономашичей лишь позднее. В Полоцке сел внук Всеслава Василько Святославич (годы княжения 1132—1144). Он старался жить в мире с князьями, занимавшими киевский стол. После смерти Василько Святославича началась борьба за Полоцк между представителями трех линий потомков Всеслава Полоцкого — Витебской, Минской и Друцкой. В 1180 г. среди внуков Всеслава Полоцкого вспыхнула новая ожесточенная усобица. После 1186 г. сведения о правителях Полоцка в Ипатьевской летописи практически пропадают.

у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша» (рассказ о Все-славе). Этим «объединяющим» звоном, подобно «рысканию» Всеслава из Полоцка в Киев и из Киева в Тмуторокань, автор подчеркивает единство Русской земли, позднее разделенной на отдельные княжества. Не случайно он употребляет термин «Русская земля» в широком значении: все русские княжества, все части некогда единого государства.

Х. И в том, и в другом рассказе говорится о Божьем суде. Во фрагменте об Олеге это идиоматическое выражение обозначает битву, рассматриваемую как Божий суд: погибшие в битве, по мнению автора, осуждены судом Божиим. Во фрагменте о Всеславе выражение «Божий суд» употреблено в значении «определенная, назначенная при рождении человека судьба, которой никому не избежать».⁵⁷ Автор отражает здесь не столько христианские представления о предопределении, сколько народные верования в судьбу, восходящие к языческим представлениям.⁵⁸ Несмотря на сверхъестественную сущность «вещего» Всеслава, его дар предвидения,⁵⁹ ему не удалось избежать предназначенной свыше судьбы «князя-изгоя»: «Аще и вѣща душа въ дрѣзѣ тѣлѣ, нѣ *гасто бѣды страдаше*», ибо, как изрек Боян, «ни хытру, ни горазду, ни *пытцу* горазду суда Божиа не минути!»⁶⁰

⁵⁷ В Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» помимо слова «суд» толкуется выражение «Божий суд»; пример из «Слова» приведен под первым значением этого выражения: «смерть, гибель по воле Бога» (Божий ~ Божий суд // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве. М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 56), что, на мой взгляд, ошибочно.

⁵⁸ Ср. сходные изречения о невозможности избежать своей судьбы: «никто от своего року не уйдет», «чему быть, того не миновать», «от судьбы не уйдешь», «так рок судил», «бойся не бойся, а от своей части не уйдешь» и т. п. (Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982. С. 365). «Всякому своя судьба» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1882. Т. 4. С. 365; репринт: М., 1980; М., 1991). А. А. Гогешвили привел к рассматриваемому выражению параллель из «Илиады»: «Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный, / Муж ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родился» (Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве». М., 1999. С. 268).

⁵⁹ Составитель ПВЛ, сторонник Ярославичей, сознательно связывает с Всеславом бродячий мировой сюжет, легенду о рождении его от волхования и «в сорочке», т. е. со вторым («другим») телом, что было в древности признаком рождения волкодлака — существа с двумя телами: попеременно человека (днем) и волка (ночью). Это служило одновременно и указанием на жестокость Всеслава-волкодлака, и объяснением его жестокости («сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье»). В то же время рождение «в сорочке» делало человека «вещим», способным предвидеть будущее. См. об этом подробнее: Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве». С. 47–54 и др.

⁶⁰ Вероятно, припевка Бояна по адресу Всеслава опирается на поговорку, отраженную в одном из списков «Слова» Даниила Заточника: «Повѣдаху ми, яко тои ести судъ Божий надо мною, и суда де Божиа ни хитру уму, ни горазду не минути (см.: Бу-слаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 37). К словам «ни хитру, ни горазду» Боян прибавляет в своей припевке: «ни пытьцу горазду» — т. е. обладающему сверхъестественным даром предвидения будущего, которым обладал, согласно легенде, Всеслав. О конъектуре «пытцу» (вм. «пти-цу»), впервые предложенной Л. А. Булаховским, см.: Булаховский Л. А. Функции чисел в «Слове о полку Игореве» // Мовознавство: Наукові записки. Київ, 1952. Т. 10. С. 121–122. В Словаре В. И. Даля приведена такая пословица: «Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда Божьяго не миновать» (Даль В. И. Толковый словарь живого

XI. Упоминания Олега и Всеслава связаны и тем, что по поводу того и другого автор приводит припевку (краткое изречение) Бояна. При описании возвращения Игоря из половецкого плена на Русскую землю автор вспоминает припевку, изреченную Бояном по адресу его деда, Олега Святославича: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, / Зло ти тѣлу кромѣ головы», и добавляет от себя: «Руской земли безъ Игоря». По поводу Всеслава Полоцкого Боян произносит уже упоминавшуюся припевку — «Ни хытру, ни горазду, ни *пытцу* горазду суда Божия не минути».

XII. Отметим и завуалированное сходство в повествованиях о судьбе Олега и Всеслава. Автор называет Олега *Гориславигем*. Нельзя в связи с этим не вспомнить, что составитель Лаврентьевской летописи называет *Гориславой* прабабку Всеслава — Рогнеду, заноса в летопись историю о Рогнеде и Владимире и пытаюсь объяснить этой историей выступления Всеслава и других полоцких князей против Ярославичей. Это сопоставление указывает нам, как следует понимать «отчество» «Гориславич»: Олег — князь с горькой славой, с печальной судьбой изгоя.⁶¹

* * *

Как видим, рассказы об Олеге Святославиче и Всеславе Полоцком тесно связаны между собой. Рассмотренные переключки этих рассказов призваны подчеркнуть, что политическая судьба князей сходна.

Почти вся вторая половина XI в. прошла в усобицах Всеслава и Олега с Изяславом и Всеволодом Ярославичами и их сыновьями. Беспокойные, настойчивые в своих стремлениях князья-изгой быстро теряли достигнутое: Всеслав лишь семь месяцев продержался в Киеве; Олег, захватив вместе с Борисом Чернигов в августе 1078 г., в октябре того же года потерял его, потерпев поражение на Нежатиной Ниве, а завоевав Чернигов в 1094 г., в 1096 г. бежал из него от Владимира Мономаха. Больше того, потерпев поражение, Всеслав и Олег лишались занимаемых ими княжеских столов. Всеслав после бегства из Киева потерял и родной Полоцк. Олег на следующий год после своего поражения под Черниговым был отправлен из Тмуторокани в ссылку на остров Родос, а взяв Чернигов второй раз, в 1094 г., через 2 года потерял его и остался без удела, много воевал, но в результате вынужден был ограничиться в 1097 г. незначительным Вятичским уделом.

Многократно подчеркнутое автором сходство политической судьбы Всеслава и Олега указывает на то, что и оценка их автором «Слова» сходна, а не противоположна, как считал Б. А. Рыбаков. Какова же оценка Олега и Всеслава в «Слове»? И совпадает ли она с оценкой киевского летописца?

Д. С. Лихачев ответил на второй вопрос утвердительно. По его мнению, автор «Слова» не только почерпнул из «Повести временных лет» сведения об исторических событиях XI в., но и в оценке исторических лиц следовал

великорусского языка. Т. 4. С. 364). Здесь уже, по-видимому, выражение «суд Божий» переосмыслено и употреблено в значение «посмертного суда», т. е. смерти.

⁶¹ Значения слова «горький» — горестный, печальный; несчастный, достойный сожаления (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 98) — не дают основания понимать отчество «Гориславич» в значении «князь с дурной славой крамольника».

за ней. По словам Д. С. Лихачева, «с наибольшей полнотой поэтическое понимание автором “Слова” текста “Повести временных лет”» проявилось «в образах двух зачинщиков феодальных смут, двух родоначальников самых беспокойных княжеских гнезд — Олега “Гориславича” и Всеслава Полоцкого».⁶² Ученый считал, что характеристика Всеслава «целиком согласуется с теми фактами, которые сообщает о нем “Повесть временных лет”. Факты “Повести временных лет” осмыслены в “Слове” поэтически. Из них автор “Слова” строит не только поэтический образ Всеслава, но одновременно дает и историческую оценку его деятельности».⁶³

Оценка Олега Святославича, по мнению Д. С. Лихачева, также совпадает в «Повести временных лет» и в «Слове».⁶⁴ «Повесть временных лет» с осуждением говорит о том, что Олег Святославич разжигал междоусобные «рати», что ему свойственны «смысль буй и словеса величава»,⁶⁵ что он повинен в бедствиях Русской земли, ибо он наводил на Русскую землю половцев (с которыми Ольговичи были связаны родственными узами), в результате чего «много хрестьянъ изгублено бысть, а дружиини полонени и расточени по землям».⁶⁶ Эти обвинения «Повести временных лет» переключаются с упреками, содержащимися в «Слове», где говорится, что Олег «мечемь крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше», что при нем «сѣяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьдобожа внука».

Однако нельзя говорить о полном совпадении оценок Всеслава Полоцкого и Олега Святославича, даваемых летописцем и автором «Слова». При обращении к событиям и историческим лицам XI в. автор «Слова» черпает сведения из «Повести временных лет», но при этом в их оценке не во всем согласен с летописцем. Если киевский летописец оценивает исторические события и создает образы исторических персонажей с позиции «старших» князей, Ярославичей, то автор «Слова» предлагает объективно взглянуть на события. В самом начале своего произведения он объявляет, что будет излагать события не по своему усмотрению, не исходя из своего замысла, как Боян, а по исторически достоверным рассказам о походе Игоря.⁶⁷ Этой же позиции придерживается он, и говоря о событиях XI в.

По мнению автора «Слова», в княжеских междоусобицах, конечно же, виноваты Олег и Всеслав, обвиняемые летописцем. Но не меньше виноваты «старшие» князья, действовавшие по принципу «Се мое, а то мое же», вместо того чтобы следовать формуле «Это мое, а то твое».⁶⁸ Автор говорит

⁶² Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 14.

⁶³ Там же. С. 18.

⁶⁴ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». С. 256–257.

⁶⁵ ПВЛ. С. 96.

⁶⁶ Там же. С. 95.

⁶⁷ См. об этом подробнее: Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 65–74.

⁶⁸ Д. С. Лихачев пишет: «В одном случае автор “Слова” использует и переинтерпретирует формулу раздела феодальных притязаний: “се мое, а то твое”. Формула эта неоднократно встречается в договорах князей между собой. <...> Автор “Слова о полку Игореве” нарушает эту двучастность, он сатирически изображает договоры князей и пишет

об этом в третьем отступлении от основного сюжета, где он поэтически излагает историю возникновения междоусобиц и их трагические последствия для Русской земли:

Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,
 Вступила дѣвою на землю Трояню,
 Въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону;
 Плещучи, убуди жирня времена.
 Усобица княземъ на поганяя погыбе,
 Рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же».
 И начяша князи про малое «се великое» мльвити
 А сами на себѣ крамолу ковати.
 А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами
 На землю Рускую.

Автор «Слова» видит причины возникновения междоусобиц на Русской земле прежде всего в обиде, наносимой «старшими» князьями «младшим» князьям, которых они лишали княжеских отчих столов, превращали в изгоев.

«Старшие» князья — это великий киевский князь Ярослав (против которого выступали его брат Мстислав и племянник Брячислав Изяславич) и великие киевские князья Изяслав и Всеволод Ярославичи (обидчики как Всеслава, так и Олега) в союзе со своими сыновьями, одним из которых был Владимир Всеволодович Мономах, противник и Всеслава, и Олега.

А. Е. Пресняков так характеризует политику Ярославичей: «Политика старших Ярославичей часто нарушала отчинные права младших князей, нарушала систематически и настойчиво. Этим она вызвала много смут: “сироты, — скажем словами М. С. Грушевского, — отчины которых забрали старшие Ярославичи во время их малолетства, ничего им не оставив, выросли один за другим и шли добиваться своего добра”». ⁶⁹

Любечский съезд подтвердил отчинное наследное право на конкретную территорию. Однако и в решениях Любечского съезда отразилось верховенство Ярославичей: «Долгое владычество старших Ярославичей создало <...> представление, что они трое единственные преемники отца. И летописный пересказ постановлений Любечского съезда отражает ту же точку зрения: он знает только три отчины: Изяславлю, Святославлю и Всеволожу, а волости, доставшиеся младшим князьям, считает данными им по воле Всеволода». ⁷⁰

По Любечскому съезду оказались исключены из числа претендентов на Киев не только князья-изгой, чьи отцы умерли ранее деда и не успели пере-

не “се мое, а то твое”, а “се мое, а то мое же”, подчеркивая этим стремление князей захватить себе как можно больше. Таким образом, и здесь термин, формула перерастает в образ, становится средством художественного воздействия» (Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». С. 84).

⁶⁹ Пресняков А. [Е.]. Княжое право в Древней Руси. С. 49. О том же пишет А. В. Назаренко, см.: Назаренко А. В. Династический строй Рюриковичей... С. 58–59.

⁷⁰ Пресняков А. [Е.]. Княжое право в Древней Руси. С. 53.

дать им удел, но и Святославичи, поскольку киевское княжение их отца не признавалось династически легитимным.⁷¹

По-иному, нежели летописец, видит автор «Слова» и причины победных набегов половцев на Русскую землю. Если киевский летописец обвинял Ольговичей в том, что они приводят на Русскую землю половцев, используя их в междоусобной борьбе, то автор «Слова» изображает «храбрых Ольговичей» защитниками Русской земли, которые уже «доспѣли на брань» с половцами. Устами старшего в Ольговичах — Святослава Киевского — автор призывает к защите Русской земли князей другой княжеской ветви, главным образом Мономашичей, которые, по его мнению, заняты своими делами и не спешат «постеречь» отчий Киевский стол, Русскую землю. Первым в «золотом слове» Святослава назван феодальный глава Мономашичей — Всеволод Суздальский, а затем другие князья этого «гнезда», по степени значимости.⁷² При этом обращения Святослава Киевского к князьям-Мономашичам содержат не только упреки в «непособии», но и иронические замечания по их адресу, завуалированные под похвалу.⁷³ Это еще одно свидетельство того, что автор «Слова о полку Игореве», стремясь к объективности в оценке исторических событий, был при этом сторонником не Мономашичей, как считал Б. А. Рыбаков, а Ольговичей.

Переосмыслен автором «Слова» и летописный образ Всеслава Полоцкого. Если в «Повести временных лет» он изображен волкодлаком, «немиловидным на кровопролитие», то автор «Слова», отражая эту легенду летописца, сближает его образ с образами былинных богатырей (он, как и богатыри, «вещий»; «скачки» его подобны богатырским; как богатыри, и даже быст-

⁷¹ Святославичи, однако, не собирались отказываться от Киева. Черниговский князь Всеволод Ольгович, сын Олега Святославича, в 1139 г. свергнул с киевского престола Вячеслава Владимировича, недавно взошедшего на него после смерти брата. Княжил в Киеве и его сын, Святослав Всеволодович. А когда после смерти Святослава Киевского (1194), в 1195 г., смоленский князь Рюрик обратился к черниговскому князю Ярославу, главе Ольговичей, с требованием навсегда отказаться от претензий на Киев («не искать вам Киева и Смоленска под нами, ни под нашими детьми, ни под всем нашим Владимировым племенем»), Ярослав Черниговский обратился прямо к старейшине Мономашичей, Всеволоду Юрьевичу, ответив замечательной фразой: «У нас был уговор не искать Киева под тобою и под сватом твоим Рюриком, мы и стоим на этом уговоре; но если ты велишь нам отказаться от Киева навсегда, то ведь мы не угры и не ляхи, а единого деда внуки: пока вы оба живы с Рюриком, мы не ищем Киева, а после вас — кому Бог даст» (Ипат. лет. под 1195 г.).

⁷² По наблюдению Б. А. Рыбакова, «если мы расположим всех князей, упомянутых в “золотом слове” <...> в порядке генеалогического старшинства, то увидим, что поэт строжайшим образом следовал этому старшинству и его порядок есть порядок генеалогический» (Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 91–98; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 495–496). Из списка князей, к которым обращается Святослав в «золотом слове» с призывами встать на защиту Южной Руси, нужно исключить обращения первой части «золотого слова» к Ольговичам, содержащие не призывы, а укоры: Ярослав Черниговский упрекается в бездействии, отсутствии «власти» по отношению к младшим Ольговичам, а участники похода — Игорь и Всеволод — упрекаются Святославом в том, что они не согласовали свои действия с ним, великим князем, готовившим новый поход на половцев.

⁷³ См. об этом: Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «золотое слово» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 36–44.

рее их, он за время церковной заутрени успеваеет преодолеть огромное расстояние; подобно богатырям, скачущим в Киев, подперевшись волшебной клюкой-посохом, он «скачет» в Киев, подперевшись клюками-коварством своих врагов; подобно богатырям, сражающимся с эпическим противником (Змеем), он «дует ток» на Немиге, т. е. готовит место битвы; подобно персонажам, связанным с небесной, крестной силой, летавшим на облаке, Всеслав «повис» в «синей мгле», т. е. в тумане).⁷⁴ Тем самым автор «Слова» ориентирует читателя на образ другого оборотня — эпического героя, рожденного от бога-громовержца и с детства проявляющего богатырские качества.⁷⁵ Автор «Слова» использует созданную летописцем легенду о рождении Всеслава «в сорочке», с «другим телом», чтобы показать «двойственную» жизнь Всеслава: победитель и побежденный, киевский князь и князь-изгой.

Художественная функция фрагмента о Всеславе заключается в том, чтобы нарисовать широкую панораму княжеских междоусобиц XI в., показать, что против «старших» князей выступал не только Олег Святославич, но и другие князья, в том числе Всеслав Полоцкий. Это заставляет читателя задуматься об истинных причинах междоусобиц, что важно для «реабилитации» Олега и его потомков — Ольговичей, которые своим необдуманным походом усугубили дурную славу «Ольгова гнезда».

Симпатии автора «Слова», при всем его стремлении к объективности, на стороне Олега Святославича и храбрых Ольговичей, чью вину он не отрицает, но старается смягчить. Поражение Игоря автор объясняет «которами», междоусобицами русских князей. Даже само обобщенное имя «Ольговичи» автор «Слова» пытается сделать символом удали, храбрости, воинской доблести. Не случайно он неоднократно употребляет его с эпитетом «храбрый»: «дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо»; «Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань»; «А Игорева храбраго плъку [т. е. воинов трех князей-Ольговичей] не крѣсити!».

* * *

Какова же смысловая связь исторических экскурсов с рассказом о походе Игоря? Почему в кульминационный момент повествования о сражении Игоря с половцами автор обращается к воспоминанию о походах Олега, а после повествования о «внуках» Всеслава (полоцких князьях XII в.) размышляет о судьбе его самого?

По словам Д. С. Лихачева, «автор “Слова о полку Игореве” прибегает к русской истории как к средству проникнуть в смысл современных ему событий, как к средству художественного обобщения. С наибольшей полнотой это привлечение прошлого для осмысления настоящего нашло выражение в образах двух зачинщиков феодальных смут, двух родоначальников

⁷⁴ Это образное выражение, смысл которого можно передать современными идиомами «повис в воздухе», оказался «в подвешенном состоянии», «между небом и землей». После бегства от киевлян из-под Белгорода в 1069 г. Всеслав действительно оказался в неопределенном положении, без княжеского стола. Только в 1071 г. он смог вернуть свой Полоцк.

⁷⁵ Подробнее см. об этом: Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве». С. 45—48.

самых беспокойных княжеских гнезд — Олега “Гориславича” и Всеслава Полоцкого». ⁷⁶ «Автор “Слова” прибег к изображению р о д о н а ч а л ь н и к о в тех князей, обобщающую характеристику которых он собирался дать». ⁷⁷ «Характеристика Олега дана им для характеристики современных ему “ольговичей”; характеристика Всеслава — для характеристики “всеславичей”». ⁷⁸ «Автор “Слова” не случайно дает характеристику именно этим князьям: он говорит об их злосчастной судьбе, чтобы призвать к миру и согласованному действию против степи их беспокойных потомков». ⁷⁹

Сходную точку зрения высказал В. В. Кусков, посвятивший специальную статью историческим фрагментам об Олеге и Всеславе в «Слове о полку Игореве» с целью рассмотреть, «какое место в поэме занимают исторические отступления, как они связаны с повествованием о событиях, современных автору, каков их характер и какие художественные функции они выполняют». ⁸⁰ Он пишет: «Обращаясь к князьям со страстным призывом к единству, поэт-гражданин на примерах прошлых князей ставил вопрос о необходимости “нынешним” “высочить” из дурной дедовской славы и, восприняв от предков их доблесть и мужество, сплотиться для борьбы за целостность и безопасность Русской земли». ⁸¹

Б. А. Рыбаков, неоправданно полагавший, что «исторический раздел» помещался в начале «Слова о полку Игореве» и начинался с утраченного рассказа о Владимире Мономахе, пишет: «Этот раздел дан автором с определенной целью — показать корни, истоки “княжьего неспособия” и первые в истории Руси примеры привода половецких войск на Русь русским князем <...> Дед Игоря Олег трижды приводил “поганых”, и внук его Игорь продолжает эту беспринципную политику». ⁸²

По мнению С. Матхаузеровой, образы русских князей подобраны в «Слове» «с четко продуманной целью, а именно напомнить “нынешним” князьям о славе и братолюбии прежних князей». ⁸³ А. М. Ранчин возразил против «братолюбия» «старых» князей, поскольку в «Слове» изображено не братолюбие, а, напротив, распри «старых» князей (Олега и Всеслава с Ярославичами), добавив ошибочно: «военные же столкновения нынешних — даже не упомянуты». ⁸⁴ А. М. Зеленокоренный полагает, что слава «старых»

⁷⁶ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». С. 255.

⁷⁷ Там же. С. 259.

⁷⁸ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». С. 29. По мнению Лихачева, «в этом сказались средневековые представления о родовой преемственности политики русских князей, а может быть, и реальные стремления русских князей вести свою политику в пределах своей “родовой” линии, наследовать “путь” отцов и дедов».

⁷⁹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». С. 255.

⁸⁰ Кусков В. В. Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве». С. 64.

⁸¹ Там же. С. 79.

⁸² Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 146.

⁸³ Матхаузерова С. Система образов в «Слове о полку Игореве»: Сравнительный анализ // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 46.

⁸⁴ Рангин А. М. История в «Слове о полку Игореве»: «старые» и «нынешние» князья // Рангин А. М. Вертоград Златословный. М., 2007. С. 186.

князей оценивается автором как «горькая»; эту дурную славу и превзошли в своих распрях «нынешние» князья.⁸⁵ Однако выражение «выскочить из славы дедов» не допускает такой интерпретации, как справедливо заметил А. М. Ранчин. Размышления самого А. М. Ранчина о смысле оппозиции «старые» — «нынешние» князья сложны и противоречивы. С одной стороны, «время “дедов” — это эпоха ушедшей героической славы Руси», а с другой — «“нынешние” князья <...> изображены не менее могущественными, чем старые». По мнению Ранчина, неясность оппозиции «старые» — «нынешние» князья исчезает, если признать, что понятия «слава» и «котора» (усобица), «не являются “абсолютными антонимами” в *Слове*».⁸⁶

Повествование о «дедах», безусловно, связано с повествованием об их «внуках». Однако трудно согласиться с тем, что автор «Слова» дает обобщающую характеристику Ольговичей и Всеславичей, исходя из оценки их родоначальников (Олега и Всеслава), и что характеристика эта однозначно отрицательная. Напомню, что «злато слово», являющееся идейным центром произведения, выражающее авторскую позицию, вложено в уста старейшего в Ольговичах — Святослава Всеволодовича Киевского, изображенного в «Слове» великим и грозным, седым и мудрым патриархом. Полоцких же князей XII в., «внуков» Всеслава, автор осуждает как раз за то, что они своими крамолами наводят поганых «на землю Рускую, на жизнь Всеславию», что они «уже выскочисте изъ дѣдней славы», т. е. лишились ее.⁸⁷ Следовательно, и здесь нельзя говорить об обобщающей характеристике «внуков» — полоцких князей — на основании характеристики их деда. Напротив, «внуки» противопоставляются их «деду» Всеславу.

Из обращений Святослава Киевского к князьям следует, что автор «Слова» видит причину поражения Игоря Святославича в том, что он сражался с половцами малыми силами, тогда как против него сражалась вся Полоцкая земля. Вину за это автор возлагает не только на Игоря, не согласовавшего свой поход со старейшиной Ольговичей, киевским князем. Он видит более глубокие корни того, что русские князья терпят поражение от половцев как на своей земле, так и в поле Половецком, причина этого, по его мнению, в княжеских междоусобицах. По словам В. П. Адриановой-Перетц, «на протяжении всего “Слова” единственной причиной гибели войска Игоря и того, что “по Русской земле прострошася половци аки пардуже гнездо”, — остаются “княже неспособность” и княжеские “которы”».⁸⁸

Обращение автора «Слова» к событиям XI в. связано, безусловно, с главной идеей «Слова» — осуждением княжеских междоусобиц, призывом к их прекращению. Но по сравнению с летописцем автор «Слова» рисует более объективную картину взаимоотношения русских князей.

⁸⁵ Зеленикоренный А. М. О некоторых конъектурах в «Слове о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Сб. 12. С. 466–467.

⁸⁶ Рангин А. М. История в «Слове о полку Игореве». С. 186, 187, 192, 429.

⁸⁷ Б. А. Рыбаков видит здесь указание на события 1180 г., когда в земле Всеславлевых внуков велась ожесточенная усобная война, в которую были втянуты и Святослав Всеволодович, и новгородцы, и Давыд Смоленский. Вмешался в усобицу и Игорь Святославич, пригласивший в поход к Друцку «поганых» — половецких ханов Кобыяка и Кончака (Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. С. 36–37).

⁸⁸ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 295.

Текст «Слова о полку Игореве» дает основание утверждать, что автор считает виновными в междоусобице всех ее участников: и «старших», и «младших» князей, причем как XI, так и XII в. Он показывает, что в результате междоусобиц погибают сами князья, гибнут русские люди, страдает Русская земля в целом: на ней «рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче». Завершая вторую часть «Слова» (оканчивающуюся рассказом о Всеславе Полоцком), автор резюмирует:

О, стонати Руской земли,
Помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князеи!

Что это за первые времена и первые князья? Это, по мнению автора, времена общего предка всех упомянутых в «Слове» князей: Ольговичей, Мономашичей и Всеславичей — время Владимира Святославича.

Того стараго Владимира
Нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамя Киевскимъ!
Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
А друзии — Давидовы,
Нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть,
Копиа поють...

Автор сопоставляет здесь время «дедов» (XI век) и «внуков» (XII век), погрязших в междоусобицах, с более отдаленным временем, временем существования в X—начале XI в. древнерусского государства под властью одного князя, когда ничто не мешало Владимиру Святославичу успешно бороться с внешними врагами — печенегами, расширять древнерусское государство, ходить в далекие походы,⁸⁹ — его нельзя было пригвоздить к горам Киевским! Время Владимира Святого — «золотой век» для автора «Слова», таким, впрочем, оно предстает и в былинах Киевского цикла, связанных с именем Владимира Красное Солнышко. А ныне — стонет Русская земля, потому что стяги Владимира (знамена Русской земли) теперь принадлежат разным князьям, действующим несогласованно, — «розно» идут даже дружины родных братьев — Рюрика и Давыда, «розно» развеваются «хоботы» (хвосты) их знамен, «розно» их копья поют!⁹⁰ О, стонать Русской земле, вспоминая времена старого Владимира, единую и потому сильную Русь!..

⁸⁹ Проблемой Руси на протяжении всего княжения Владимира Святославича оставались постоянные набеги печенегов, для обороны от которых был построен ряд крепостей по южному рубежу Киевской Руси, а также выведены ряды земляных окопов и сторожевых «застав». Несмотря на постоянную угрозу от печенегов, Владимир значительно расширил границы Руси: в 978 (или 980) г. отвоевал у польского князя города Червен и Перемышль, в 981—982 гг. присоединил к древнерусскому государству территорию вятичей, в 983 г. покорил ятвягов, в 984 г. окончательно покорил радимичей. Совершал он и далекие походы: в 985 г. воевал против болгар, в 988 г. осадил Корсунь в Крыму, в 991 г. совершил поход в прикарпатские земли против белых хорватов, в 1000 г. его воины участвовали в византийском походе в Армению.

⁹⁰ Д. С. Лихачев при рассмотрении данной фразы отмечает, что слово «розно» «не однажды употребляется в летописи для обозначения княжеской розни», а с отрицанием «не» («не розно») — княжеских союзов. Он приводит следующие примеры. В летописи венгерский король передает Изяславу Мстиславичу такие слова: «...твой щит и мой

Как видим, исторические реминисценции на основе «Повести временных лет» представляют собой в «Слове о полку Игореве» соотнесенные друг с другом фрагменты, образующие «текст в тексте».⁹¹ Это воспоминания об Олеге «Гориславиче» и Всеславе Полоцком, поэтический экскурс в историю междоусобиц («Въстала обида в силахъ Дажьбожа внука...»), воспоминание о Владимире Святославиче: «О, стонати Руской земли...» В этот «текст в тексте» входят и отдельные замечания автора, высказанные туманно и как бы вскользь: о Ярославе Мудром и его брате Мстиславе, об Изяславе Ярославиче и Борисе Вячеславиче. Исторические «припоминания» в «Слове о полку Игореве» глубоко связаны с сюжетом, занимают в композиции «Слова» вполне определенные места⁹² и служат для выражения автором центральной идеи произведения.

Итак, анализируя повествования автора «Слова о полку Игореве» об исторических событиях далекого прошлого, выявляя скрытый смысл перекличек рассказов о Всеславе Полоцком и Олеге Святославиче в «Слове о полку Игореве», а также приведенную им в этих рассказах имплицитную информацию, мы пришли к следующему выводу. Автор «Слова» показывает свое знакомство с точкой зрения составителя «Повести временных лет» на исторические события XI в. и даже отражает легенды, им созданные; вслед за летописцем он осуждает междоусобицы русских князей. Однако при этом автор «Слова» занимает независимую позицию, высказывает свой собственный взгляд на причины и виновников междоусобиц, на взаимоотношения «старших» и «младших» князей, рисуя с этой целью панорамную картину исторических событий, начиная с Владимира I — общего предка упоминаемых в «Слове» князей: Всеславичей, Мономашичей, Ольговичей. Автор не оправдывает князей-крамольников, но при этом считает виновными в междоусобицах и «старших» князей, действовавших по принципу «Се мое, а то мое же».

На этом историческом фоне поражение «храбрых Ольговичей» рассматривается автором «Слова» прежде всего как результат княжеских междоусобиц и отсутствия согласованных действий князей в деле защиты Русской земли от внешних врагов. К прекращению усобиц, к совместной обороне Русской земли и призывает русских князей автор «Слова о полку Игореве».

не розно еста» (т. е. я с тобою продолжаю находиться в оборонительном союзе) (Ипат. лет. под 1150 г.). Другой пример: «и рекоша ему Казимеричи: "...а быхом быле все ляхове не розно, но за одинем быхом щитом быле (вси) с тобою и мьстили быхом обиды твоя"» (Ипат. лет. под 1195 г.) (Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». С. 73–74).

⁹¹ «В отличие от того текста, в котором он существует как составная часть, текст-в-тексте не имеет отдельной зафиксированной формы выражения. Он не дан нам изначально до момента интерпретации в виде линейной последовательности символов, <...> существуя только пространственно и конструируясь интерпретатором» (Бразговская Е. Е. Интерпретация текста-в-тексте: логико-семиотический аспект // Критика и семиотика. Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 94).

⁹² О том, что отступления от основного сюжета занимают в «Слове о полку Игореве» вполне определенные места, см.: Соколова Л. В. Композиция в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 184–210.